

О них он ничего не знал, даже слова «разбойники» и «учёный» из их уст были для него загадкой. Никак не мог взять в толк, отчего Цзин упрямо считал, что его ограбили разбойники, звал учёным и требовал, чтобы он в столицу ехал, на экзаменах первенствовал и в министры выбивался?

Цзи Ян при этих мыслях не знал, смеяться ему или плакать.

Сань Ань, видя его состояние, спросил: «Ваше Высочество, как вы сюда попали?»

«Они меня спасли». В этом он был благодарен.

«Значит, они призраки добрые! — поспешно молвил Сань Ань. — Ваше Высочество, что намерены предпринять? Коль уж они спасли, может, попросить их отпустить вас, чтобы мы в столицу вернулись? Я уж призрак, я могу третьего принца найти да прикончить — за вас отомстить!» К концу фразы голос Сань Аня пропитался ненавистью, лицо почернело и стало зловещим.

Цзи Ян не испугался. Глаза его сузились, и он равнодушно произнёс: «Разве убийством отомстишь? Он мне должен не одну жизнь».

«А они знают, кто вы?»

«Пока нет». Раз уж выяснилось, что они не люди третьего принца, а самые что ни на есть призраки да оборотни, Цзи Ян сокрывать свою личность смысла не видел. Может, правду скажет — и отпустят?

А если юнец с логикой не дружит и не захочет отпустить?

Тот юнец его «учёным» величал, нрав имел странный — чуть речь замедлишь, он уже дуется. Может, и впрямь против его настоящего статуса будет? А узнает, что он не учёный, — мало ли, прикончить захочет?

Служанки юнца то и дело твердили: «Прикончить его».

Цзи Ян не был уверен, что призрака одолеет. Хоть призраков у него теперь и с десяток набралось, они явно не из той же породы, что те две призрачки, которые на него глаза вытаращивали. Подозревал он, что даже призрачка у ворот могла бы всех его призраков с ним самым разом проглотить. Кроме них, был ещё тот оборотень с персиковой веткой, что всё норовил его ткнуть.

Цзи Ян потер правый висок — голова побаливала.

Что за место такое!

Он, девятый принц, в призрачье логово угодил, и теперь единственный выход — красотой торговать да на призраке жениться?

Авторская ремарка: Да, только этот путь тебе и остался, ха-ха.

Цзи Ян и не ведал, что сейчас не ему выбирать, как поступить.

Как ни упирайся, раз уж в дворец Цзина попал — значит, Цзинов человек.

Цзин любезно предоставил Цзи Яну и его слугам поговорить наедине, а сам вернулся в свои

покои.

Вернувшись, принялся бродить туда-сюда, то тут ткнёт, то там посмотрит — и не поймёшь, что у него на уме.

Яо Юэ не выдержала, спросила: «Господин, что высматриваете?»

«А? — Цзин очнулся. — Я сегодня вечером с господином из вод венчаюсь! Прикидываю, как зал украсить!»

Яо Юэ тут же на Нун Юэ взглянула. Та сурово промолвила: «Господин, личность этого человека крайне подозрительна. Возможно, он вовсе не учёный, что на экзамены едет...» — «Учёный! Сказал, что учёный, значит, учёный! Его разбойники ограбили! Вы же раны видели, слуги его даже после смерти за ним приплыли — явно разбойники их покалечили! Все они преданные, благородные, куда благороднее всех учёных из книг, что я читал! Да и красивый он!»

«...Господин, вы же видели: на слугах одежда единого покроя. И халат у того господина с виду прост, а ткань вся в тайных узорах. Одежда у слуг тоже не простая, такую только в богатых домах носят. Коль с такой свитой путешествовал, как же его разбойники ограбили? Тут что-то нечисто».

«А что, в богатых домах учёных не бывает? Богатые — все поголовно бойцы должны быть?»

«Господин...» — Нун Юэ собралась было уговаривать дальше, но Яо Юэ, в редкий раз проявив смекалку, её остановила, шепнув: «Сестра, наш господин сколько лет ждал, чтобы такого найти».

Цзин на них внимания не обратил, прошёл дальше.

Они остались на месте. Яо Юэ мягко сказала: «Сестра, ты сама говорила: главное, чтобы господин радовался. Чего нам бояться?»

«Будь он обычным человеком — ладно. Но кровь его и двухсотлетнего оборотня ранила! Тот, что во дворец ворвался, точно он! Какие у него намерения?»

«А вдруг не он? Вдруг мы ошибаемся?»

«А вдруг...» — «Дайте господину порадоваться. Он же просто человек», — Яо Юэ капризно потянула её за руку.

Нун Юэ вздохнула: «Ладно. В конце концов, есть мы. Даже если в прах обратимся — господина защитим. Но отныне с ним будем вдвойне осторожны».

«Точно! — Яо Юэ расплылась в улыбке. — Тысячи лет наш дворец в запустении был, а теперь свадьба! Устроим её на славу! Жизнь у человека короткая — пусть хоть эти годы господин счастливо проживёт!»

Нун Юэ наконец улыбнулась и кивнула: «Хорошо. Позову Фанфэй — господин цветы любит. И на дно озера спущусь — Камень Воспоминаний достану, чтобы эту ночь запечатлеть. Будет господину потом что вспомнить».

Раз уж решили свадьбу справлять по-настоящему, хлопот невпроворот. Обе призрачки тут же

бросились раздавать указания прочим призрачкам и оборотням во дворце.

Цзин белый цвет любил, но у людей на свадьбах красный в ходу — даже свадебные одеяния красные.

Цзин толком не понимал, что такое «жениться», но красное свадебное одеяние носить было обязательно — призрачки же носили. Он тысячу лет об этом мечтал, и одеяние давно уже было готово — Нун Юэ с Яо Юэ его собственноручно, игла за иглой, шили. Широкий красный халат с длинными рукавами, поверх — лёгкая накидка из тумана сотканная. Ворот, рукава, подол — всё серебряной нитью облаками да волнами расшито. Свадебное одеяние Нун Юэ уже достала и на вешалку у кровати повесила.

Все призрачки да оборотни во дворце уже знали: сегодня вечером их господин женится!

Случай редкий — Нун Юэ их не ограничивала, позволила свободно перемещаться. Большинство собралось у покоев Цзина — поглядеть, какого жениха приведут, полюбопытствовать, насколько тот красив.

Нун Юэ с Яо Юэ снаружи хлопотали, дворец украшали.

Цзин же сидел перед зеркалом, а Фанфэй его прихорашивала.

Фанфэй ему на лоб красную точку поставила, все волосы высоко собрала, маленькую нефритовую корону надела.

Фанфэй, улыбаясь, промолвила: «У людей женитьба — значит, взрослым стал. И волосы все собрать можно. Вы тоже, господин, после этой ночи взрослым станете!»

Услышав «взрослым», Цзин, что умер отроком и навеки отроком остался, глупо ухмыльнулся: «Правда?»

«Ещё бы! — Фанфэй была бойчей прочих, никого и ничего не боялась. Подлинный статус того человека её ничуть не смущал — их господин разве кого боялся? Господин женится — она рада! Хотела его ещё краше сделать, как у людей невест наряжают. — Жаль, господин и так красоты неопикуемой, мне, цветочному оборотню, и приложить руки негде».

Она встала на колени, чтобы надеть на талию Цзина пояс из нефритовых пластин. Кожа у Цзина была нежнее и светлее самого нефрита. Надев, она медленно поднялась, поклонилась и сказала: «Господин, можно одеваться».

Только тогда Цзин осмелился на себя в зеркало взглянуть.

Красивым себя он знал, но знал и то, что вечно подростком смотрится, вечно ребёнком. А тут — красная точка на лбу, да в этих одеждах... Сам себя не узнавал.

Тут же глаза руками закрыл, смотреть страшно стало.

Фанфэй рассмеялась: «Господин, чего не смотрите?»

«Чужой какой-то... Боюсь...»

«Да вы ещё прекраснее стали! Я впервые вас в красном вижу — и впрямь загляденье. Господин, у людей женихи да невесты так и выглядят. После свадьбы не только волосы собирают — красная точка это тоже обряд такой!»

«Правда?»

«Ещё бы! Это значит — взрослым стали».

Цзин раздвинул пальцы, в щёлочку в зеркало поглядел, спросил: «И впрямь красиво?»

«Угу!» — Фанфэй кивнула.

«Тогда... ему... понравится?»

Фанфэй залилась серебряным смехом. Посмеет не понравиться — прикончит! Да и разве можно их господина не любить? Твёрдо кивнула: «Конечно, понравится!»

Цзин наконец кивнул, медленно руки опустил, с любопытством на отражение посмотрел, потом осторожно точку на лбу потрогал.

Сказал: «Фанфэй, я прошлую жизнь не помню... Но гляжу сейчас на себя в зеркале — будто и раньше кто-то мне точку на лбу ставил».

<http://bllate.org/book/15942/1425031>